

ДРЕВНИЕ НЕФРИТЫ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА (СИНЬЦЗЯНА): ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ.

Комиссаров С. А. Древние нефриты Восточного Туркестана (Синьцзяна): их распространение и использование // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии: Сб. науч. ст. / Ред. и сост. О. А. Митько.- Новосибирск, 1999.- С. 7-10.

<http://www.altaiinter.info/project/culture/Cronology/Eurasia/Nephritis/nefrit01.htm>

На протяжении многих веков нефрит, поступающий из Восточного Туркестана, играл важную роль в культурном развитии Китая. По месту добычи его часто называли хотанский или куньлуньский нефрит (на исключительное богатство нефритовых месторождений Восточного Туркестана, расположенных вдоль северного и южного склонов Кунь-Луны, указывал еще А. Е. Ферсман [Ферсман, 1962, с. 152-153]). Профессор Ян Бода, посвятивший исследованию "культуры нефритовых орудий" несколько специальных работ, предлагал даже именно с начала использования "хотанского" минерального сырья вести отсчет "периода настоящего нефрита". По его мнению, на предшествующем этапе использовались местные источники сырья, связанные в основном с другими минералами (от серпентина до горного хрусталя) [Ян Бода, 1998а, с. 33, 38],

Эдвард Шефер полагал, что именно с Хотаном можно соотнести Яшмовую (Нефритовую) гору, расположенную далеко на западе, за Зыбучими песками - место обитания популярного мифологического персонажа Си-ван-му (Царственная Мать Запада или, в другом варианте перевода, Бабка-Хозяйка Запада), о которой упоминается в "Шань хай цзине" [Каталог гор и морей, 1977, с. 44]. Однако строгость такого отождествления вызывает определенные сомнения, поскольку помимо упомянутой вершины еще в двух книгах "Каталога Центральных гор" встречается название Нефритовая гора, а о многих возвышенностях говорится, что они "богаты превосходным нефритом". Э. Шефер также считал, что именно Хотан, а позднее и Яркенд были источниками всего нефрита, употреблявшегося в Китае, хотя и не исключает полностью возможность использования местных ресурсов [Шефер, 1981, с. 296, 447].

По сведениям Ян Бода, первые образцы хотанского нефрита появляются в районе Центральной равнины еще в эпоху неолита. Ссылаясь на заключение геолога Чэнь Бочжана, он пишет о наличии топоров и заступов из мягкого (хотанского) нефрита в яншаоских коллекциях поселения Баньпо (провинция Шэньси) [Ян Бода, 1998а, с. 20, 52]. Таким образом, дата наиболее раннего импорта синьцзянского нефрита в район Центральной равнины восходит к VII тыс. до н. э. и оказывается сравнимой с датировками наиболее ранних нефритовых изделий Китая. Их

появление на памятниках северо-восточной культуры силунва относится примерно к VIII тыс. до н.э., а широкое распространение, прежде всего в восточных районах, начинается с VII тыс. до н.э. [Ян Ху, Лю Госян, 1998, с. 137; Ян Бода, 1986, с. 627].

Однако для эпохи неолита и палеометалла Китая в целом использование хотанского нефрита является редким исключением. Создатели культур, в которых обработка нефрита получила наибольшее развитие (ляньчжу, хуншань, луншань) в основном обращались к местным источникам сырья (соответственно, месторождения в районе Куандянь, провинция Ляонин; в районе Лиань, провинция Цзянсу; в районе Линьтао, провинция Ганьсу) [Вэнь Гуан, 1998, с. 220; Ма Цзюси, 1997, с. 3, 7]. При этом помимо собственно нефрита, часто использовались его заменители, а также так называемые полунейфриты - образцы, в состав которых входили как нефритообразующие термолит и актинолит, так и псевдонефритовые минералы [Wen Guang, Jing Zhichun, 1996, p. 64, 67].

Традиция использования привозного хотанского нефрита продолжилась в рамках культуры цизя [Е Маолин, 1998, с. 181-182]. Возможно именно через посредство культуры цизя нефрит из Синьцзяна попадал в пределы государства Шан-Инь. О специальных походах за нефритом и о получении его в качестве приношений упоминается в иньских надписях на гадательных костях. По мнению специалистов, значительная часть (около 300) предметов из богатейшей нефритовой коллекции, найденной в могиле Фу Хао, изготовлена именно из хотанского нефрита [Ян Бода, 1998а, с. 20]. Интересно отметить, что культурные связи между племенами, населявшими в период развитой бронзы Восточный Туркестан и Южную Сибирь, и иньцами (причем именно через культуру цизя и именно на примере могилы Фу Хао) прослеживаются по линии бронзовых зеркал, которые в тот период также распространялись с запада на восток [Варенов, 1985, с. 164-166; Комиссаров, 1999].

Начиная с иньского времени синьцзянский нефрит становится основным материалом для производства ритуальной утвари, в первую очередь - для императорского двора. Эта тенденция, с двумя пока не очень понятными временными заминками (период Западного Чжоу и династии Вэй, Цзинь, Наньбэйчао, на памятниках которых синьцзянский нефрит практически не представлен), существует на протяжении тысячелетий вплоть до последней императорской династии Цин включительно [Ян Бода, 1998а, с. 36-37]. Причем любовью к хотанскому нефриту отличались не только китайские правители, но и многочисленные завоеватели - кидани, чжурчжени, монголы, маньчжуры. Известно, например, с каким интересом относился к коллекции хотанского нефрита маньчжурский император Цяньлун (даты правления 1736-1795 годы); который инициировал работу по составлению каталогов императорских хранилищ, тем самым внеся заметный вклад в историографию данной проблемы [Ян Бода, 1998б, с. 222, 223].

Поступавший из Восточного Туркестана нефрит не вытеснил полностью местное сырье, из которого продолжали изготавливать украшения для реализации на городских рынках, однако занял главенствующее положение среди украшений императорских

покоев. И лишь в XVIII-XIX вв. его немного потеснили изделия из жадеита, который начинает поступать из Юго-Восточной Азии (Бирмы).

Для доставки все увеличивающегося количества нефрита из Восточного Туркестана необходимо было развитие постоянных торговых связей. По мнению профессора Ян Бода, задолго до открытия "Великого Шелкового пути" существовал "Нефритовый путь", проходивший примерно по тем же маршрутам [Ян Бода, 1989; Ян Бода, 1998а, с. 35]. Следует заметить, что сама идея "Великого нефритового пути" впервые высказана в отечественной историографии. После открытия белонефритовых колец в Прибайкалье (глазковская культура) и на Урале (сейминская общность) А. С. Уваров и В. А. Городцов предположили их происхождение из окрестностей Кашгара как единственного известного в то время источника необходимого сырья. Однако после открытия прибайкальских месторождений белого нефрита В. А. Городцов пересмотрел прежнюю концепцию и в качестве отправной точки распространения на запад изделий из нефрита назвал именно глазковскую культуру [Городцов, 1927, с. 624-625]. Эта идея получила развитие в работах С. В. Киселева, который полагал, что прибайкальский нефрит мог передаваться не только на запад, но и на юго-восток, в древнейшие центры шан-иньской культуры. При этом по проторенным путям распространялись и другие культурные достижения, например, "лучшие образцы сейминско-самусьской бронзы". Таким образом, "впервые в истории "Нефритовый путь" связал Дальний Восток с Европой, достижения уральских и сибирских мастеров оказали стимулирующее влияние на бронзоволитейное производство одной из великих цивилизаций древнего Востока" [Киселев, 1965, с. 52].

По мнению А.П. Окладникова, вообще вряд ли можно говорить о прямых заимствованиях как с юга на север, так и наоборот, поскольку туркестанский нефрит заметно отличается от прибайкальского по цвету (имеет сероватый оттенок); также отмечаются различия в обработке камня (разная техника сверления) [Окладников, 1955. с. 176-180]. В настоящее время обсуждение данной проблемы застыло на достигнутом уровне и за все прошедшие годы практически не возобновлялось ни в китайской, ни в российской историографии. Очевидно, новый импульс в разработке вопроса о северных направлениях "Нефритового пути" может дать минералогическое изучение образцов со всех указанных территорий.

Впрочем, в самом Восточном Туркестане, несмотря на богатейшую сырьевую базу, собственное производство нефритовых изделий не получило в древности сколько-нибудь значительного развития. Эту любопытную особенность древних культур региона отметил известный специалист по синьцзянской археологии, профессор Ван Бинхуа [Wang Binghua, 1998, p. 55] в своем докладе на конференции "Древние нефриты Восточной Азии", которая состоялась 23-27 ноября 1998 года в Гонконге; [Комиссаров, 1999]; Большинство из известных в настоящее время ранних находок нефритов сконцентрированы в районе озера Лобнор. Четыре изделия из нефрита были найдены в 20-30-е годы, еще 33 - в 80-90-е годы. Ван Бинхуа приводит краткое описание находок и предварительно датирует их неолитическим временем [Ван Бинхуа, 1998, с. 171-173]. Характерно, что большая часть этих находок - орудия

труда (топоры, тесла, ножи, наконечники стрел) с явными следами использования. Заметно преобладают топоры и топовидные тесла (19 экземпляров), которые служили, по мнению автора, для изготовления деревянной посуды (рис. 1, 2, 4, 5). Среди них встречаются как относительно крупные (9-13 см в длину), так и средние (7-7,5 см) и миниатюрные (3-4 см) орудия. К последним можно отнести еще два топорика из сероватого нефрита туркестанского происхождения, которые хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН [Окладников, 1955, с. 178-179].

Кроме того, Ван Бинхуа описывает девять экземпляров цилиндрических бус, найденных им при раскопках могильника бронзового века Гумугоу (дата - примерно 3800 лет до н.д.) [см.: Молодин, Алкин, 1997]. Они все одинаковы по форме, хотя и различаются по длине, - от 1,1 см до 2,1 см; у всех по центру просверлено биконическое отверстие диаметром 0,5 см (рис. 3). Можно заметить, что представленный инвентарь явно отличается от синхронных культур Центрального и Восточного Китая, поскольку не содержит ритуальных предметов. В последующие эпохи, вплоть до монгольского времени, местная обработка нефрита практически сходит на нет и проявляет себя в археологических коллекциях лишь отдельными предметами, имеющими явно ханьское происхождение. В многочисленных и хорошо сохранившихся погребениях местной знати эпохи раннего железа - раннего средневековья не найдено ни одного изделия из нефрита. Ван Бинхуа полагает, что правители различных племен и государств Восточного Туркестана, учитывая постоянно растущий спрос на хотанский нефрит во внутренних землях Китая, предпочитали отправлять добытое сырье на экспорт (как в виде подношений китайским императорам, так и через торговые связи), в обмен получая нужные им дорогостоящие товары: шелк, парчу, лаковые изделия, а также золото [Ван Бинхуа, 1998, с. 177-178].

В качестве одного из возможных объяснений подобного предпочтения сошлемся на мнение профессора Тан Чуна. Он считает, что, начиная с бронзового века, именно по данному культурному признаку происходит размежевание культур, созданных монголоидными и европеоидными народами. Если первые сохраняют верность нефриту (согласно древнекитайским представлениям, нефрит является воплощением "пяти добродетелей" человека), то последние в качестве символа превосходства выбирают золото [Tang Chung, 1998, p. 98-99]. С учетом того, что население Восточного Туркестана вплоть до эпохи средневековья было в основном европеоидным, данная гипотеза хорошо соответствует описанной выше ситуации.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 99-01-00319

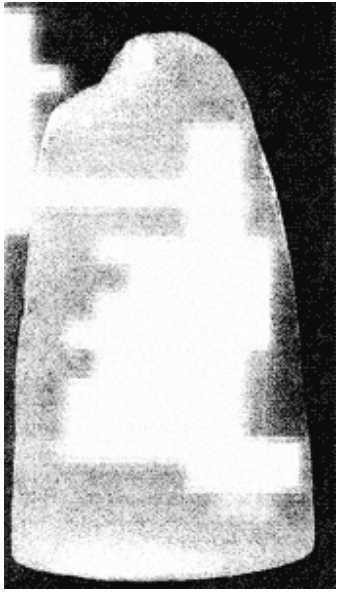

Рис. 1. Нефритовый топор неолитического времени, найденный возле городища Лоулань, в районе озера Лобнор. Размеры: длина 13,37 см, ширина обушка 4,59 см, ширина лезвия 7,7 см, наибольшая толщина 2,59 см.

Рис. 2. Нефритовый топор неолитического времени, найденный вблизи стоянки LB, в районе озера Лобнор. Размеры: длина 11,6 см, ширина обушка 2,7 см, ширина лезвия 6,2 см, наибольшая толщина 1,88 см.

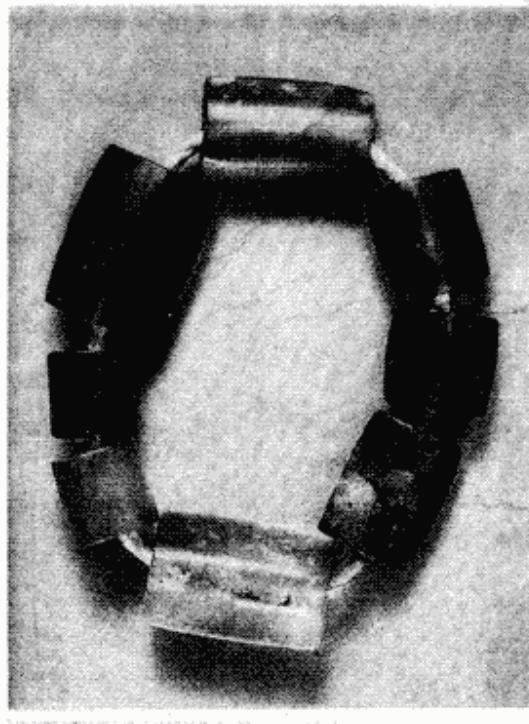

Рис. 3. Нефритовые бусы из могильника Гумугоу.

Рис. 4. Нефритовый топорик, найденный на стоянке бронзового века Синь-дала, уезд Хэшо. Размеры: длина 8,8 см, ширина лезвия 4,3 см, толщина 2 см.

Рис. 5. Нефритовый топорик неолитического времени, найденный в 1 км к северо-западу от седьмого пикета в Лобнорской пустыне. Размеры: длина 7 см, ширина 2,3-3,7 см, толщина 1 см.